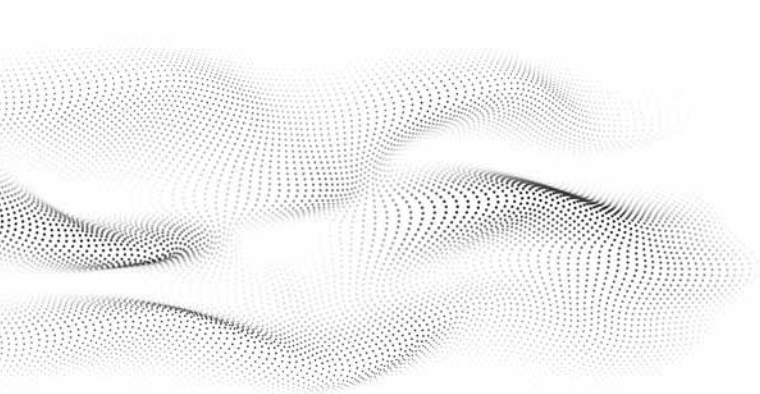

ГЛАВА 1

МИР МАГНИТНОЙ АНОМАЛИИ

С тех пор как шесть месяцев назад родители пропали без вести по дороге из Твери в Москву, Майка плохо спала. В ее снах под масками мамы и папы скрывались чудовища, которые раздирали сердце на части и являли ей гораздо более жестокие концовки для всей этой истории, чем та, которая была на самом деле.

Вот они покидают ее, чтобы усыновить Катьку, с которой она не общалась лет сто, и Катька, встречаясь с ней, рассказывает, какая замечательная теперь у нее мама. Или вот они счастливо женаты, живут в каком-нибудь Лондоне или Лиссабоне, приезжают в Москву погостить, и Майка случайно натывается на них у самого Кремля. И поначалу ее охватывает эйфория, потому что она думает, что родители вернулись за ней, но мама очень вежливо улыбается и говорит что-то — неважно что, важно, что она *не* говорит, — и тут Майка видит, что у нее под платьем животик: у мамы новый ребенок, новая счастливая жизнь, где нет места ей, такой грустной, такой старой Майке. И мама уходит.

Или вот идет экзамен. У мамы с папой в руках распечатанная табличка с критериями оценки хорошей дочери, и она, Майка, с треском проваливает экзамен по всем статьям. И мама уходит. Или вот они вдвоем,

папа с мамой, такие родные, такие знакомые, на фотографии в окружении троих детей, и она напрасно ищет среди этих троих детей себя, и это так дико, что там нет ее лица. Но думать об этом времени все равно не остается. Потому что мама забирает у нее из рук фотографию и... уходит.

И так каждую ночь, на новые лады, при разных обстоятельствах, пока Майка не испытает положенную ей порцию боли. Папа с мамой уходят, и мама... что у нее за выражение лица! Смесь неприязни и желания поскорее избавиться от нее, как от старой вещи, с которой связаны неприятные воспоминания. А объяснить это, конечно, можно только тем, что она таких папу с мамой не заслуживает, потому что она очень-очень плохой человек. Ведь что должен сделать ребенок, чтобы от него отказались родители?

Но сколько бы она буквально по молекулам ни разбирала каждое свое воспоминание о папе и маме с психологом, как бы детально ни расписывала свои сны после пробуждения, сколько бы ни читала Юнга, Франкла, Ялома и даже православных святых, сколько бы ни смотрела самые разные видео, объясняющие механизм горевания и проживания потери, — в обмен на всю эту душевную работу она не получала ни прощения, ни объяснения. Только очередную ночь и очередное утро — и новый мучительный сценарий, который подкидывало ей собственное подсознание.

Вместо того чтобы спасти от боли хотя бы на шесть или семь часов в сутки, сны ранили, и ранили очень сильно. И если наяву Майка хоть как-то научилась контролировать свои эмоции, то во сне мозг пускался

в вальпургиеву свистопляску, заставляя верить, что, возможно, она уже никогда не станет прежней и что рана ее не затянется.

Все это ненадолго отступало на рассвете, когда ей удавалось погрузиться в мягкую спасающую дремоту, но, просыпаясь, Майка оказывалась еще более уязвимой. Именно благодаря этой дремоте ужас реальности на время как бы отодвигался, забывался и затем охватывал ее с новой силой, едва она открывала глаза. И эти первые минуты отстраивания новой реальности были, может быть, самыми страшными за весь день, требовали от нее наибольшего количества сил.

Находиться в своей шкуре, в своем теле становилось невыносимо. И она просто лежала в кровати, буквально кожей ощущая, как ее окружает квартира, окружает холод или жара, и в собственном теле ей было так же неудобно, как в чужом. Переживая приступы панических атак, во время которых, ей казалось, опору теряла не только она, но и вся планета, Майка задыхалась от простреливающей головной боли и бессонницы, от жары и общей неустроенности, которая как бы перетекала из нее в окружающий мир и обратно. Чтобы все это кончилось, достаточно было лишь открыть окно и сделать шаг, окно манило ее, но она не могла так поступить с бабушкой, которая вряд ли справилась бы еще и с этим ударом.

В интернете писали, что когда тебя накрывает паника, надо кричать, чтобы высвободить накопленную тревогу, и Майка беззвучно кричала в подушку, вставала, чтобы встать, ложилась, чтобы лечь — снова и снова,

снова и снова, — пока спазм в груди слегка не ослаблял свою хватку. В такие минуты ей больше всего на свете хотелось бежать в безопасное место, к маме и папе, и она бы бежала, но в мире без папы и мамы бежать было некуда, и именно это подводило ее к мысли о том, что, может быть, жизнь без родителей на этой огромной и пустой магнитно-аномальной планете не имеет никакого смысла. Ведь только папа с мамой — настоящие, не из ее сна — могли успокоить эту боль и унять все ее тревоги; настоящие мама с папой любили ее со всеми ее болячками и травмами безусловной любовью, зная все ее недостатки, любили так, как она никогда не полюбит себя. Так ради чего или кого ей было оставаться там, где их больше нет?

Как ни смешно, но на поверхности жизни все последние шесть месяцев ее удерживал теннис — тот самый теннис, который так любил Набоков и в который играли британские леди и джентльмены в эпоху королевы Виктории.

Бабушка нашла способ обхитрить монстров из Майкиных снов. Как-то раз они взяли такси и поехали в разросшийся теннисный магазин на «Белорусской» и, к изумлению продавцов, скупили все мячи, которые только были на складе — сотни зеленых спасительных

малышей, в гору которых Майка зарывалась перед сном и в горе которых просыпалась поутру.

Мячи залезали своей пушистой зеленой шкурой к ней в нос, рот и глаза еще до пробуждения, обволакивали особенным запахом корта все ее тело еще до того, как мозг начинал зашвыривать в сознание картинки клин-ского Макдоналдса, так и не купленной теннисной ракетки и солнечных зайчиков на окне родительской машины цвета мокрого песка. Вот и сегодня мячи спасли ее от очередного витка утреннего ужаса.

Она резко поднялась с кровати, когда будильник прозвонил шесть тридцать утра, откинула одеяло, и на пол прыгнуло с десятков мячей, а вместе с мячами на пол соскользнула разомлевшая беременная Груша.

— М-мр-р-р.

— Груша, — пробормотала Майка и, поддавшись желанию прижать к себе этот шерстяной растрепанный шар с космическими глазами, хотела было взять кошку на руки, но та не спеша и весьма красноречиво потрусилась на кухню. — Поняла, сейчас покормлю, только дай мне закинуть вещи в сумку, окей?

Майка вытащила спортивную сумку из-под кровати. Она стояла босыми пятками на полу и дрожала от холода. Но так было даже лучше — тут подходил любой способ отвлечься от тупой боли в груди. Клин клином, так сказать: холодный пол, холодный душ, холодное-прехолодное солнце за окном и холодное лезвие ножичка для резки бумаги. Ах, как грустно, сверкнул насмешливой улыбкой папа и потрепал ее по макушке; он был так близко, совсем рядом,

стоило лишь прикрыть глаза и протянуть руку, чтобы дотронуться до него...

— Нет, только не сегодня, пожалуйста, не сейчас.

Она поднесла к носу мяч, вдохнула аромат каучука, немножечко пришла в себя и, щелкнув выключателем у прикроватной тумбочки, взглянула в открытый зев своей спортивной теннисной сумки. В ней лежали носки, ракетка, напульсник, мячи, кроссовки, лайкровая футболка, шорты, полотенце, расческа, резиновые тапочки, дезодорант, а под сумкой виднелся уголок огромного пыльного коллажа, который она уже два месяца прятала под кроватью не столько от бабушки, сколько от себя самой.

Коллаж состоял из зацепок, которые ей и Косте удалось собрать за время расследования, и вызывал у нее страшное волнение всякий раз, когда Майка на него смотрела. Сердце начинало биться, возвращалось ощущение тревоги, которую в первый месяц она испытывала круглые сутки; перед глазами, точно как пишут в книгах, мутнело; всю ее помимо воли начинало трясти; и обычный, в сущности, кусок бумаги обретал над ней страшную, непонятную власть.

Психолог объяснила, что дело в выбросе кортизола, адреналина и норадреналина, которые ее надпочечники вырабатывают каждый раз, когда она сталкивается с вещами, приводящими в движение травму, поэтому смотреть на эти вещи было нельзя. Майка уже хорошо представляла свои волшебные железы треугольной и полулунной формы, которые устали от того, что гипоталамус постоянно заставляет их

вбрасывать в кровь стресс. Но пыльный кусок бумаги под кроватью притягивал ее, как кокаин притягивает наркомана, и ей приходилось напоминать себе снова и снова, что лишь она решает, смотреть на коллаж или нет, потому что иногда уверенности в этом у нее совсем не оставалось.

Она быстренько подтянула теннисную сумку к себе и пяткой оттолкнула коллаж поглубже под кровать — за три месяца, что она держалась и не смотрела на него, под кроватью скопилось много пыли, и Майка уже начинала чихать, но давать себе поблажку было нельзя, пыль так пыль: она боялась увидеть хоть краешком глаза даже маленький кусочек коллажа.

Приняв холодный душ, она укуталась в полотенце, вернулась в спальню, причесалась, взяла со стола телефон, вставила в уши наушники, пошла на кухню делать гренки и включила подкаст, чтобы заглушить голос, который вечно звучал у нее в голове, заставлял спорить с собой, лишая энергии и сил: «Посмотри, посмотри на коллаж, Майя». — «Не сегодня». — «Посмотри». — «Не сегодня». — «Посмотри». — «Уроборос...»

«Уроборос»?

Что «Уроборос»?

Она постучала по уху, чтобы поправить наушник, и прислушалась к голосу ведущей: «Последние снимки Уробороса, которые ученые получили с телескопа Хаббл, демонстрируют безжизненную поверхность, очень похожую на поверхность нашей родной Луны. Как бы сильно всем нам ни хотелось обнаружить на

триаде новые артефакты, которые могли бы пролить свет на происхождение этих космических тел, сказать что-либо точно очень сложно. Но так как в морях всех трех лун астронавты обнаружили похожие по составу базальты, образовавшиеся порядка одного миллиарда лет назад, есть вероятность, что когда-то все три тела могли быть частью какого-то одного образования...»

Майка дала кошке влажного корма, ополоснула сковороду, обжарила в подсолнечном масле три маленьких кусочка черного хлеба, крошила на них мелко порубленный чеснок с сыром и разогрела чайник. Что эти луны вообще делали рядом с Землей? И если их уже притянуло к планете настолько близко, почему бы всему этому нагромождению окончательно не слиться в каменно-космическом поцелуе? Папа постарался бы найти всему логическое объяснение, папа смог бы ее подбодрить... В груди что-то дернулось и больно кольнуло. Не думай про папу сейчас, думай про завтрак, про завтрак, завтрак...

Майка переложила гренки на тарелку, через силу задохнулась в себя несколько обжигających кусочков и, осознав, что на этот раз все-таки ускользнула от утреннего приступа паники, выдохнула.

Большие настенные часы показали семь. Что ж, пора идти пулять круглые желтые ракеты в животы Борьки и Глебаса.

Она быстренько сполоснула посуду, чтобы не оставлять ее бабушке, и отправилась в спальню надевать

джинсы и майку, приготовленные еще с вечера. Оставалось сделать только одно.

Вытанув из шкафа коричневую безнадежно маленькую кофту, которую ей подарила еще мама и которую она не могла себя заставить выбросить, хотя на локтях уже появились протертости, Майка поежилась от холода, влезла в мягкие узкие рукава и обхватила себя за плечи, представив, что это мама обнимает ее.

Где-то за окном проехал автомобиль, и она очнулась. Сделав глубокие вдох и выдох, стараясь отвлечься от мыслей о плохом и не плакать, она достала с полки старенький слинг — в него предмет за предметом полетели кошелек, телефон, проездной, книжка Стивена Кинга, пропуск в ФОК. В сумку со спортивным снаряжением забросила бутылку воды, банан, пару яблок, слишком блестящих, слишком зеленых, но вполне годных для нескольких подач, и, ощущая, как в животе комом осели пережаренные гренки, подошла к зеркалу.

На нее взглянула восемнадцатилетняя девочка с глазами чайного цвета: лицо в веснушках, брови окончательно выцвели за лето, ноги и руки почернели на корте от загара, сгоревшие плечи облупились, но, по крайней мере, ее волосы, светлые, ровные, как кусок блестящей на солнце платины, отросли почти до пояса и теперь были похожи на мамины.

«Жирная корова», — подумала Майка, перепроверила плитку раза три, хотя даже на третий она показалась недостаточно выключенной, и вышла из квартиры в мир, где из-за трех притянутых к земле лун москов-

ские парки с их историческими усадьбами изгибались под напором странно сильных, не характерных для этой местности ветров, день ото дня становились гуще, зеленее и непроходимее. В мир, где из-за магнитной аномалии сбоила мобильная связь, где привычные переулки давали новые причудливые дуги и выводили к сожженным пустырям, где водовороты Москвы-реки выплескивали серебристую жирную рыбу, где прогорклый воздух пробок как будто бы лишился тяжелых взвесей и приобрел морские нотки, где исчезали целые озера, чтобы появиться в неожиданном месте, а обычное утреннее солнце делало тени более четкими, странными, неуютными.